

- ⁵ Шульга М. В. К истории грамматического выражения значения парности в русском языке. — В кн.: ОЛЯ. 1982. М., 1985.
- ⁶ Alonso Schökel L. Proverbios y Eclesiastico. Madrid, 1968.
- ⁷ Bauer J.-B. L'exégèse patristique créatrice des symboles. — In: Sacra pagina: Miscellanea biblica. Paris; Gembloux, 1959, vol. 1, 180—186.
- ⁸ Глаголев А. А. Комментарий на Книгу притчей. СПб., 1907, 91.
- ⁹ Haag H. Bibel-Lexikon. Tübingen, 1968, 368, 1755.
- ¹⁰ Toy C. H. A critical and exegetical commentary on the Book of Proverbs. Edinburgh, 1959, 535; Mac Kane W. Proverbs. A new approach. L., 1970.
- ¹¹ Mainz E. Le Livre des Proverbes en judéo-persan. — Journal Asiatique, CCLXVIII, 1/2, 1980, 71, 105.
- ¹² Mainz E. Vocabulaire judéo-persan. — Studia Iranica, 6, 1. Leiden, 1977, 75, 88.
- ¹³ Michaelis J. D. Deutsche Übersetzung des Alten Testamentes mit Anmerkungen für Ungelehrte. Göttingen, 1778, Bd. 7, 102.
- ¹⁴ Mittellateinisches Wörterbuch. Berlin, 1971, Lfg. 14, 540—550.
- ¹⁵ Lexicon mediae et infimae latinitatis Polonorum. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, 12, 633.
- ¹⁶ Thesaurus linguae latinae, Leipzig, 1911, vol. 3, col. 1781.

Г. Н. Лукина

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ
НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП
В СФЕРЕ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Изучая культуру того или иного народа, представители исторической науки обычно делят ее на три области: материальная, духовная и социальная. Именно таким образом построены фундаментальные монографии историков древнерусской культуры по домонгольскому периоду¹ и более поздней эпохе XIII—XV вв.² В них, наряду с описанием состояния той или иной области культуры, рассматриваются иногда также и соответствующие названия самих предметов, реалий. Лингвистов же в первую очередь интересует лексика, в той или иной степени соотносящаяся с определенной областью культуры народа. Поэтому ввиду неодинакового объекта исследования, лексика, которая содержится в работах историков, и лексика, извлекаемая лингвистами из памятников письменности, в большинстве случаев не совпадает. А между тем сопоставление различных групп лексики иногда приводит к некоторым наблюдениям, в частности, и об их сравнительной хронологии, что в конечном итоге может представлять интерес и для истории народа в широком смысле.

Анализируя лексику, связанную с историей материальной культуры русского народа, следует прежде всего обратиться к ее раннему состоянию, т. е. тому, которое представлено в древнейших письменных памятниках. Именно этот период условно принимается нами, как это сделано в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв., за один синхронный срез³.

Для исследования лексики материальной культуры чрезвычайно плодотворным оказался метод изучения лексико-семантических групп слов. В настоящей работе в таком плане были рассмотрены некоторые группы слов, отражающие лексику материальной культуры древнерусского народа. Это — слова с конкретно-бытовым значением: названия тканей, одежды, головных уборов, обуви, мехов, украшений, сосудов, различной утвари.

Изучая подобную лексику, удалось заметить, что помимо отношений внутри той или иной лексико-семантической группы слов (о чем неоднократно писалось) существуют еще определенные системные отношения между отдельными группами лексики в пределах более широкого лексического пласта. В частности, обнаружен целый ряд семантических связей между отдельными лексико-семантическими группами. Причем такие связи затрагивают не только лексику, связанную с материальной культурой народа (сам предмет исследования), но и другие группы лексики: названия частей человеческого тела, растений, животных, метрологические термины, названия денег.

Так, уже раньше было замечено, что некоторые славянские названия (впрочем, не только славянские) мер длины являются терминами антропометрического происхождения: **dolnъ* и др. Это, например, относится к древнерусскому *локъть*. Первичное значение этого слова 'локоть руки, рука': *локъти* своя устремляет на вре-тено (ЛЛ 1377, 26, 980). Вторичное значение — мера длины — широко представлено в ранних памятниках: *стославъ* . . . умысли създати црквь камяну стыма и създавъ е є доо (так) · п · *локъть* възвыше преставися (СкБГ XII, 22 г.); А се мостынико уроци. по-мостивъше мостъ. взяти о/т/. *л. локотъ* по ногатѣ (РПр 1280, 625 г.); *ко*ждо камень имыи *локотъ* · г · въ ширыню, а въ долготу // *локотъ* · с · (ἀνὰ πηχῶν . . . ἀνὰ πηχῶν) (ГА XIII—XIV, 119б—в).

У реже употребляющегося слова *лакъть* зафиксировано только вторичное значение: камень бяше исходя предъ црквию *лакать* семидесять (СбТр XII/XIII, 43 об.); *лакотъ* имуща копье (ἐπτάπτυχον) (ГА XIII—XIV, 85а); и затворися в пещерѣ. в едином улици въ кельици малѣ, яко четырь *лакотъ* (ЛЛ 1377, 64 об., 1074). В литературе известны также некоторые другие названия конечностей, получившие значение мера длины: *пъстъ*, *пядь* и др. Некоторые материалы на эту тему можно, например, почерпнуть в книге Г. Я. Романовой⁴.

Вторичными по происхождению названиями являются также некоторые наименования видов пищи. В языке древнерусских письменных памятников наиболее многочисленны названия видов пищи растительного происхождения: *бобъ*, *горохъ*, *груша*, *гръздовие*, *гръздъе*, *дыня*, *капуста*, *кропъ*, *лукъ*, *макъ*, *овысъ*, *орѣхъ*, *дыня*, *пъпърь*, *пъшено*, *пъшенъка*, *ривифъ* (*ривифъ*), *рѣдъка*, *рѣпа*, *слива*, *смокъвье*, *смоки*, *сочиво*, *сочивица*, *фюникъ*, *чесновитъцъ*, *чесновитъцъ*, *чеснъкъ*, *ячмы*, *ячмыкъ*. В определенном контексте название растения (и совпадаю-

щее с ним название плода) получает значение 'вид пищи'. Приведем некоторые примеры: подобает ѿсти брашна. в. едино съ зелиемъ. а другое съ сочевъмъ. устроено обое. съ дрѣянъмъ масльмъ и съ лукъмъ. довъльно и съ зелиемъ. яко съ кропъмъ и чябръмъ (УСт XII/XIII, 205); ядяхомъ мя/с/а лукъ и хлѣбы да сыти (ЛЛ 1377, 32, 986); кождо же носящеть себѣ пищю. яко же можаше и хотяше овъ мало хлѣба. овъ же смокви ини же фюники (СбЧуд XIV, 59в); и ямы мангерию съ сливами безъ масла. и капусту (ПНЧ XIV, 197б); и зазляхуть лю/д/е моисѣови. о/т/ неядении мясъ. и чесновитъца (Пал 140б, 140в). Это — тот тип значения, который существует и в современном русском языке, но лишь спорадически фиксируется в словарях. См., например, в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «горох. . . 1. Огородное и полевое бобовое растение. 2. собир. Зерна этого растения, употр. в пищу» (Ушаков I, 604).

Аналогичные значения можно также выделить при рассмотрении древнерусских названий видов пищи животного происхождения. Здесь название животного получает значение 'вид пищи': на обѣдѣ же служьба бѣ многа. съсуди златъмъ съковани. и сребръмъ. брашно много // и различно. тетеря. гуси. жеравие. ряби. голуби. кури. заяци. елени. вепреве (СбТр XII/XIII, 3 об. — 4). Круг таких существительных был сравнительно узок ввиду существования в языке данного периода продуктивной модели с суф. -ина/-овина со значением 'мясо определенного животного'. В текстах отмечены не только говядина и свинина, но и бобровина, вѣверичина, давленина, дичина, заячина, зѣбрина, зѣброядина, конина, медвѣдина, мѣртвичина, мышчина (от мыскъ), пысина, тетеревина, удавленина (ср. также образование от названия рыбы осетрина). В ходе истории языка количество подобных наименований уменьшалось, а способ переноса 'название животного' → 'вид пищи' сохранился, что отчасти фиксируется словарями современного русского литературного языка, например Словарем под ред. Д. Н. Ушакова: «курица. . . 2. Мясо курицы или петуха, как пища». (Ушаков I, 1553). В итоге можно сказать, что в древнерусском языке, помимо собственно названий блюд растительного происхождения, таких, как афира, каша, коврига (ковригъ), коврижъка, круничъникъ, кысель, магерия (мангерия), пирогъ, посмагъ, хлѣбъ, хлѣбъцъ и др. в значении 'вид пищи', употребляются также названия многих съедобных растений. Такие же процессы характерны и для формирования названий пищи животного происхождения.

Другой семантический перенос наблюдается в группах слов, обозначающих названия тканей и видов одежды. Здесь довольно регулярно первичное название ткани получает значение 'одежда из данной ткани'. В памятниках XI—XIV вв. представлено большое количество подобного материала. К названиям льняных тканей, встретившихся в значении 'вид одежды' относятся слова лѣнъ и платьно: мы же пло/т/ свою питае/м/ и лномъ и шелки одѣва/м/ (ГБ XIV, 99б); сложи вѣнецъ и багряницу платна паучины хужща сия вмѣнивъ /ЖВИ XIV—XV, 128а/. Слово понява (понева) обозна-

чает одежду из полотна, главным образом, погребальную: азъ. . . въ гъзохъ // въ гробъ и съвлькохъ и . . . оставилъ на нем. одину тъчию поняву (ПС XI, 51 об.—52). Названия тонкого полотна греческого происхождения *вусъ* и *вусинъ* также наблюдаются в значении ‘вид одежды’: и въ перфирѣ, и въ *вусѣ* питающиеся, и въ глубинѣ убожья истыляющеся (ἐν βύσῳ) (Пч. к XIV, 117 об.); и видѣвъ люди издалеча Александръ въ бѣлахъ ризахъ, иерѣемъ же престоящемъ въ *вусинѣхъ* (ГА XIII—XIV, 28 г.).

Почти все названия шерстяных тканей, отмеченные в памятниках письменности XI—XIV вв., встретились в значении ‘вид одежды’, например, *сукно*: травою питати/с/ и *сукны* и власяницами одѣватися (τριχίοις φακίοις) (ГА XIII—XIV, 268а). Группа синонимичных существительных, обозначающих дорогую шерстянную ткань багрового цвета, также может образовывать значение указанного типа (*багръ* и *прапрудъ*, *прапруда*, *прапрудъ*): тъ богато на земли живяше. въ *багрѣ* и въ паволоцѣ хожаше (СбТр XII/XIII, 3 об.); и облѣченъ бы/с/ въ *прапрудъ* новый и дивный (πορφρα) (ГА XIII—XIV, 238б). Сюда же относится греческий *порфира* с вариантами *перфира* и *парфура*: въ ругательную *порфиру* облеченъ и вѣнчеваемъ (πορφρωτу) (ФСт XIV, 52а).

Из названий шелков в значении ‘вид одежды’ может употребляться термин с более общим значением *паволока* и существительные *шылкъ*, *брачина*: паучина приносимъ на *паволоку* ц(с)рьску (ПНЧ XIV, 102а); мы же пло(т) свою питае(м). и лномъ и *шелки* одѣвае(м) (ГБ XIV, 99б); раби его прѣди текуще мнози въ *брачинѣ* и въ гравънахъ златых (СбТр XII/XIII, 3 об.). Подобное значение находим и у греческих *акинфъ* и *оксамитъ*: иерѣемъ же престоящемъ въ *вусинѣхъ*, . . . архиерѣю же иже въ *акинфѣ* и въ златѣ красотѣ (ἐν ὁλκίνθῳ) (ГА XIII—XIV, 28г); ты ныне въ *оксамитѣ* стоиши. а князь нагъ лежить (ЛИ ок. 1425, 208 об., 1175).

Несмотря на то, что указанный тип значения распространен также и в современном русском литературном языке, оно не всегда фиксируется словарями: см., например, слова *сукно* и *лён* в толковых словарях. Лишь для слова *шелк* отмечено употребление ‘изделие, одежда из такой ткани’, которое в Словаре современного русского литературного языка приводится с пометой «разговорное» (ССРЛЯ, 17, 1333).

Семантические взаимоотношения между группами слов со значениями ‘вид ткани’ и ‘одежда’ являются двусторонними. Для языка ранних древнерусских памятников характерен также другой переход: ‘название одежды’ → ‘название ткани’. Круг этих слов ограничен образованиями с суф. -ица: *багряница*, *чывреница* (на основе цветового прилагательного) и *понявица* (на основе существительного): и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. и мѣдь и синету *багряницею*. и *чевреницию* (Пал 1406, 132г); аще кто обиеть е (камение) *понявицею*, и держитъ над огнем/. то руку обожжетъ) *понявица* же без вреда пр(е)бывае(т) (Там же, 139а).

Регулярно образуют вторичные значения слова со значением ‘вид сосуда’. Как неоднократно отмечалось исследователями, эти

названия развивают терминологическое значение 'мера объема'. В качестве примера можно привести древнерусские наименования *вѣдро* и *кадь*: вирънику взяти. ȝ. // *вѣдеръ* солоду на не(д)лю (РПр 1280, 616б-в); и купляху *кадь* ръжи по д. гривнъ (ЛН XIII—XIV, 37, 1170). В отличие от приведенных слов, которые употребляются в текстах и в своем первоначальном значении, довольно многочисленная группа исконных названий сосудов встретилась в языке памятников XI—XIV вв. лишь в значении 'мера объема'. Это — существительные *дежька*, *кадъка*, *коробъ*, *коробья*, *къбыль*, *лукъно*, *мътра*, *пузъ*: пятьнаадеся (так) *дежекъ* овьса (ГрБ № 219 XII—XIII); (у) милослава поставило д. *кадце* пшенице (ГрБ № 196 XIII—XIV); имати по в. векши. о(т) лодье. и о(т) воза. и о(т) лну. и о(т) хмелна *короба* (ГР 1264—1265, 1, новг.); а наима даи *коробию* ржи (ГрБ № 191 XIII—XIV); се погъбе пышеница по пяти тысуущь (так) *къбыль* (ПС XI, 59 об.); а солоду дадять ему одину. ȝ. *луконъ* (РПр 1280, 625 г.); купи по срѣбренику *мътуру* вина. и пришьдь в аньтиохию. и продасть ту же *мътуру* (корчагу — ПрЮр XIV, 96в) по златнику (Пр н. XIV, 80б); доняти на тои земли. . сороковъ бѣ(л) да два *пуга* ржи сѣмянныи (Гр XIII—XIV).

Нередко образованное в пределах той или иной лексико-семантической группы слов вторичное значение в свою очередь является базой для возникновения еще одного или нескольких значений. В этом смысле показательны древнерусские названия мехов, которые регулярно образуются путем метонимического переноса из названий пушных зверей: *бобръ*, *вѣлкъ*, *лисица*, *псьцъ*, *соболь* и др. Более узкая группа названий беличьих и куньих мехов получает дальнейшее семантическое развитие (*бѣла*, *бѣлъка*, *вѣверица*, *вѣкъша*; *куна*, *куница*). Например, у слова *куница* развивается новое значение третьего порядка 'вид пошлины': и с нашего монастыра островъского *куницы* не брати а никакихъ пошлини (Гр. ок. 1399, 5, полоцк.). Широкую картину всех возможных в данном случае семантических переносов представляет древнерусское слово *куна*: 1) 'пушной зверь'; 2) 'шкурка куницы' и 'одежда из таких шкурок'; 3) 'денежная единица'; 4) мн. 'деньги'. Примеры из памятников: вѣроваху бо . . . на елура рекше в *куну* (ГА XIII—XIV, 45в); володимиръ повелъ метати людьмъ *кунами* же и скорою и паволокы (СкБГ XII, 25в); ты же облачиши ся и ходиши въ паволоцъ и въ *кунахъ* (СбТр XII/XIII, 15 об.); въдале есмь гюрьевицу безъ девяти *кунъ*. в. гривнъ (ГрБ № 119, 10—13 XII); и *кунами* тому давъ отъпусти и (ЖФП XII, 43в).

В пределах описываемой сферы лексики встретились также некоторые семантические связи между отдельными группами слов, не имеющие регулярного характера. Например, название растения или его плода получает значение 'вид сосуда', как это произошло, например, со словом *тыкы*: и прия *тыкъевъ*. и взять въ неи чтьную кръвь и воду (ПрЛ XIII, 10а). Аналогичное значение наблюдается также у однокоренных *тыкъевъцъ* и *тыкъвица*: и видѣдъ (так) беса идуща

мимо себе. въ образѣ члвци. имяще же ризу космату и у коегождо косма висяху тыковца (*тыквице*) (Пр. н. XIV, 189а) (ПрЛ XIII, 142 об.) по утренници же взимая всѣхъ черноризець *тыквици* (*тыкви*) (Пр. н. XIV, 209б) и корчаги ходяше к рѣцѣ и почерпаше воду (ПрЮР XIV, 297в).

В качестве другой нерегулярной семантической связи между группами слов можно привести слово *льнъ*, являющееся исконным названием растения. Оно в древнерусском языке получило значение 'ткань из льняных нитей', а затем 'одежда': мы же уродъствуе/м/ себе одежею мягкою и ткущею и иже *лну* и червлени въздушными тканы (ГБ XIV, 99б).

Кроме собственно семантических связей между отдельными лексико-семантическими группами слов большой интерес представляют взаимоотношения между такими группами, проявляющиеся в семантико-словообразовательной сфере. Так, например, некоторые древнерусские названия украшений являются производными от наименований частей тела. Причем, подобное явление наблюдается не только в русском языке, но этот общий принцип зачастую неодинаково реализуется в разных славянских языках: ср. рус. *ожерелье*, чеш. *náhrdelník*, словац. *náhrdelník*, бол. *огърлие*, серб.-хорв. *дгрилица*, словен. *ogrlica*.

К таким производным относится название украшения *пъстень* от *пъстъ*: мужъ прѣмудръ... сънимъ *пъстень* свои иже ношаše на руку (ПС XI, 168 об.). Известна также история слова *гривна* (производное от *грива*): 1) 'шайный обруч, служащий украшением или знаком отличия'; 2) 'мера веса'; 3) 'денежная единица'. К числу префиксально-суффиксальных образований от названий частей тела относятся также наименования *попърсьцъ* 'нагрудное украшение', *ожерелье* 'украшение, надеваемое на шею' и *обручъ*: на красоту же ему и на лѣпоту мѣдяны *обручи* прекова и мнози *поперсьцы* (λωροι) (ГА XIII—XIV, 210б); а то есмь да/л/ дчери своеи фетиньи. д/ обручи и *ожерелье* мтри ее (Гр 1327—1328, 1, моск.). Лексема *ожерелье* является точкой взаимодействия разных лексико-семантических групп, так как кроме указанного имеет еще значение 'воротник, деталь одежды': отяша има поясы и *ожерелия* и обнажена бывша ризъ своихъ (ПрЛ XIII, 43а).

Слово *обручъ* имело первоначальное значение 'украшение на руке', как в приведенном выше примере. Другие значения этого слова в древнерусском языке: 'предмет в форме обода; часть воинского вооружения; венец вокруг светила'. Впоследствии в ходе развития языка первоначальное значение утратило свою мотивированность, и в современном языке слово *обручъ* обозначает 'украшение в виде кольца, надеваемого на голову'. Это же относится и к ряду других славянских языков, где в значении 'украшение на запястье руки' употребляются иноязычные заимствования. Но в словац. и чеш. языках отмечены славянские образования: *náramnica* и *náramek* (производные от корня **ram-* также со значением части тела). В южнослав. языках наблюдаются образования, соответствующие **grivna*: болг. *гривна*, серб.-хорв. *гривна*.

В более поздних памятниках русского языка представлены также другие названия украшений, образованные по указанному типу: *запястье* ‘браслет’, *напалок* ‘перстень’, *ушники* ‘серьги’ (ср. блр. *зашуніца*, словац. *páisnica*, серб.-хорв. *наушница*).

Довольно многочисленны в древнерусском языке наименования отдельных предметов и частей одежды, также образованные от названий частей тела. Таковы, в частности, производные образования *рукавъ*, *рукавица*: свитъ же завязавъ рукава. и сию вземъ тече па кладязь и ту нальявъ воды (ПКП 1406, 201в); Тиуну на вълчъцъ. дати *рукавицѣ* (Гр 1229, сп. А). К подобным относятся префиксальное образование *окриль* ‘одеяние, облачение’ от *крило* — ‘крыло’ → → ‘пола одежды’, суффиксальное образование *пазушница* и префиксально-суффиксальное *подъпазушье* ‘верхняя часть одежды, прикрывающая грудь’ от *пазуха* ‘грудь’: измлада бви осінъ из утробы. и съ окриломъ вда(н) олтарю (μετὰ διπλοίδος) (ГБ XIV, 174г); Облечишия достоини на(дъ)брони пазушиницы (*χιτῶνα*) (Пч. к. XIV, 82); сти/х/рь .е. ис(т)каная на нб(с)и праруда. а *подъпазушье* нешвеная ребреная ъзва (ЗЦ к. XIV, 31а). К аналогичным наименованиям примыкает также *оплечье* ‘часть воинского доспеха’, встретившееся лишь в образном употреблении: изясла(в) бяше посаженъ на лукахъ княжити. и о(т) литвы *оплечье* новугороду и тамо преставися (ЛН XIII—XIV, 1198).

Некоторые древнерусские названия обуви представляют собой суффиксальные наименования, также образованные от названий частей тела: *плесньцъ* (*плесна* ‘нижняя часть ноги, стопа’) и *копытьце* (от *копыто*, как *окриль* от *крило*): да будетъ же и *плесньци* тѣхъ. глубоци же и высоки пяты имуща (УСт XII/XIII, 225); еще же и руками своими дѣлахуть дѣло. ово ми *копытьца* плетуще и клобуки и ина ручьяна дѣла строяще (ЖФП XII, 36а). Сюда же можно отнести также некоторые диалектные наименования, исследованные Г. В. Судаковым, в частности, префиксально-суффиксальные *прикопыты*, *паголенки*⁵.

Довольно регулярно встречаются наименования деталей одежды, которые образованы от названий частей тела при помощи приставки *на-* и различных суффиксов: *наногъва*, *наплечъка*, *наплечъникъ*, *наплечница*, *нарамъникъ*. Эти производные могут восходить к соответствующим предложно-падежным сочетаниям. Приведем материал из памятников письменности: подобаетъ же имъ. ни въ наричаемых *наногъвахъ* ходити (УСт XII/XIII, 224); бугай соболии и *наплечки* (Гр ок. 1339, 1, моск.); и пояс подобно к а.-му поясу състегновену, еже *наплечникъ* и ефудъ наре(ч)ты(с) (ἐπωμῖς) (ГА XIII—XIV, 27а); егда убо иерѣи хотяще въпросити ба, привязываше наплечнико посредъ перспи (ἐν τῷ ἐπωμίδι) (Там же, 27в); и вси вношау проповѣданое имъ... овъ злато. ниъ сребро. се же каменье драгое на *нарамникъ* (ГБ XIV, 205а).

Подводя итоги наблюдениям над некоторыми лексико-семантическими группами конкретных существительных из языка письменных памятников XI—XIV веков, можно сделать следующие заключения.

1) Древнерусские названия сосудов довольно регулярно приобретают значения мер объема.

2) Названия животных, употребляемых в пищу, являются семантической основой появления в определенном контексте значения — 'пища, вид, пищи, блюдо'.

3) Наименования пушных зверей образуют названия мехов и далее (окказионально) ряд производных значений.

4) Наблюдается регулярный семантический переход: 'название съедобного растения' → 'название вида пищи'. Из нерегулярных соответствий наблюдаются следующие: 'растение' → 'ткань' и 'растение' → 'сосуд'.

5) К регулярным соответствиям следует отнести также в соответствующем контексте семантический переход типа 'ткань' → 'одежда'. Здесь нами отмечено также и наличие обратной связи (в ограниченных словообразовательных рамках).

6) Отмечаются также старые семантические модели: 'часть тела' → 'мера длины' (и 'мера объема' —ср. **gъrstъ*).

7) Названия частей тела служат также основой при образовании целого ряда наименований одежды и украшений.

8) В результате сопоставления различных лексико-семантических групп словарного состава можно, вероятно, говорить о выделении более старых пластов лексики: названия животных, названия растений, названия сосудов, тканей и, конечно, названия частей человеческого тела.

9) Таким образом, можно сказать, что древний характер имеет не только лексика, связанная с отражением мира природы (живой и неживой) и человека, но и некоторая лексика, отражающая материальную культуру народа: наименования сосудов, тканей.

10) Многие из указанных выше семантических процессов (речь идет об образовании того или иного типа значения) начали происходить, возможно, еще в общеславянский период (например, 'название животного' → 'название меха'), а некоторые, возникнув в древнейший период, до сих пор являются живыми для современного русского языка (например, 'название ткани' → 'название одежды'). Лишь в одном случае можно с уверенностью сказать, что имевшая место регулярная связь 'сосуд' → 'мера' была поколеблена под действием внеязыкового фактора — утраты народной системы мер.

11) Можно выявить особое базовое значение лексики частей тела, которая легла в основу при образовании по крайней мере нескольких групп наименований.

Примечания

¹ История культуры древней Руси: Домонгольский период. I. Материальная культура. М.—Л., 1948.

² Очерки русской культуры XIII—XV веков: Материальная культура. М., 1970.

³ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1966, 11.

⁴ Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

⁵ Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983, 58.